Editorial

Медиасистема в национальном контексте: в продолжение академической дискуссии

(на примере медиасистем стран БРИКС)

Елена Вартанова

Понятие национальной медиасистемы, анализируемое исследователями разных стран как в рамках концепции национального государства, так и в контексте процессов глобализации медиа, по-прежнему остается одним из ключевых теоретических конструктов медиаисследований. Основы школы изучения медиасистем были заложены книгой Ф. Сиберта, Т. Петерсона и У. Шрамма «Четыре теории прессы», первое англоязычное издание которой вышло в 1956 г. Дискуссии о природе и детерминантах моделей медиасистем, их однородности и/или гибридности, начатые в этом труде и продолженные в монографиях Д. Халлина и П. Манчини (2004; 2012), стали исследовательским вызовом для многих ученых. Четыре детерминанты, или переменные, формирующие, по мнению этих ученых, медиасистему во всех странах, – это развитие медиарынков, политический параллелизм в СМИ, отношения государства и массмедиа и уровень журналистского профессионализма (Hallin, Mancini, 2004: 21). Поставив вопрос о детерминантах моделей медиасистем, Д. Халлин и П. Манчини предложили академическому сообществу обсудить и универсальность предложенных ими моделей, и их распространенность, и сам факт наличия/сохранения в современных условиях национальной медиасистемы единого конструкта. И даже то, что в заключении монографии выдвигается тезис о процессе гибридизации медиасистем, только подтверждает важность понимания их природы и современных особенностей.

Академическая школа изучения национальных медиасистем сегодня стала одной из наиболее известных и значимых в медиаисследованиях, а само понятие «медиасистема» – одним из наиболее распространенных терминов, несмотря даже на отсутствие четкого и разделяемого всеми учеными определения. В рамках сложившегося понимания медиасистема рассматривается как комплекс, система медиаинститутов и медиапрактик, которые, взаимодействуя друг с другом, формируют друг друга в контексте исторического развития современных структур медиа на национальном уровне. В таком понимании медиасистема, обладая собственными внутренними связями и динамикой, часто рассматривается как статичный социальный конструкт, существующий как отдельное общественное пространство (Отечественная теория медиа, 2019). Не удивительно, что именно за статичность структурно-функционального подхода, лежащего в основе традиционного понимания медиасистемы, она подвергается критике.

Не в последнюю очередь критика эта направлена на слишком узкий, устаревший фокус анализа медиа, связанный с национальным государством, на которое большое воздействие на рубеже XX–XXI вв. оказывали процессы глобализации, неолиберального дерегулирования и цифровизации СМИ (Lee, Jin, 2018; Flew, 2018). По мнению Дж. Харди, концепцию медиасистемы необходимо оспорить по причине ее странового центризма, понимания национального государства как социальной единицы, хотя современная концепция должна прежде всего учитывать процесс глобализации и переходить от анализа вертикальных отношений между медиаинститутами и политическими структурами к горизонтальным взаимодействиям медиакультур и культурных потоков, легко преодолевающих национальные границы (Hardy, 2012: 197). Перечень замечаний, безусловно, можно продолжить, однако как бы ученые ни критиковали понятие «медиасистема», они все же соглашались с тем, что и само понятие, и связанная с ним исследовательская школа стали влиятельным направлением в изучении медиа.

Медиасистемы в странах БРИКС: новые вызовы

Медиасистему следует рассматривать как взаимосвязанный комплекс медиаканалов, медиаконтента, медиатехнологий, адресованных аудитории, действующих в рамках национального и международного законодательства, в контексте геополитического и экономического положения страны, ее этнокультурных условий и исторических традиций, а также особенностей идентичности аудитории. При этом понятие медиасистемы характеризуется как внутренней, так и внешней динамикой, вызываемой сложным пересечением социального и технологического развития, трансформацией медиаструктур и аудитории. Очевидно, что при анализе медиасистемы, исследуемой в ее включенности в глобальный контекст, необходимо принимать во внимание национальные условия (Медиасистемы стран БРИКС, 2018).

Традиционно академический интерес школы изучения медиасистем был направлен на развитые страны Европы и Северную Америку, однако в последние десятилетия география исследований расширилась за счет включения в глобальный медийный контекст стран Азии, Африки, Латинской Америки. Еще одной причиной роста интереса к медиасистемам стало крушение социалистической системы, приведшей к радикальной трансформации СМИ в странах Восточной Европы и бывшего СССР на рубеже XX–XXI вв. На их примере не только подтвердилась тесная связь политики и СМИ, политической и медиасистем, но и проявилась – уже в новых условиях – взаимозависимость СМИ и национального государства, СМИ и национальной (или многонациональной) культуры страны.

С начала XXI в. концепция медиасистемы стала вызывать интерес у исследователей стран, вступивших в период быстрого экономического роста и активного преобразования политических систем, добившихся признания в глобальном миропорядке. Так, страны БРИКС наряду с выработкой новых экономических и геополитических основ жизнедеятельности

(Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС, 2014) перешли к выстраиванию новой структуры медиасистем в зависимости от национальных медиаконтекстов, исторических традиций и процессов цифровизации (Nordenstreng, Thussu (eds.), 2015).

Теоретическое понимание БРИКС как международного сообщества остается достаточно размытым, поскольку трудно выявить прямое сходство между государствами (разные политические системы, внешняя политика, экономика) и их медиасистемами, провести сравнительный анализ на одинаковых основаниях, поскольку в каждом случае проявляются очевидные особенности, выражающие специфику каждого государства. Однако эти пять стран – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР – представляют примеры, альтернативные, как уже отмечалось выше, самым изученным медиасистемам – Северной Америки и Западной Европы (Sparks, 2015: 42–65, Downing, 1996). Ценность исследования медиасистем стран БРИКС актуальна для сравнительного анализа в силу их влияния как социального института национального государства и как пример цифрового коммуникационного пространства, отличающегося заметным национальным колоритом. Практика медиасистем этих государств служит весомым аргументом в дискуссиях о национальной природе и вариативности концепции медиасистем, ее неизменной значимости для медиаисследований в целом (Flew, Waisbord, 2015; Humphreys, 2011; Rantanen, 2013).

Особое внимание к современным медиа и журналистике в странах БРИКС привело в последние годы к появлению ряда исследований. Наиболее заметна среди них монография «Изучение СМИ стран БРИКС» (*Media Systems in Flux: The Challenge of the BRICS Countries*). Исследуя медиасистемы стран БРИКС, ученые предлагают новые аргументы в дискуссии о специфике природы национальных медиасистем и формирующих их переменных. Кроме того, по мнению авторов монографии, страны БРИКС наглядно иллюстрируют влияние на медиа таких специфических аспектов политического дискурса, как постколониализм, постсоциализм, «зависимость от исторического пути» (*path dependence*), социальное и гендерное неравенство, многоэтничность, мультикультурность (Nordenstreng, Thussu (eds.), 2015).

Медиасистемы стран БРИКС – уникальный пример для понимания глобальных современных процессов, на которые оказывают влияние национальные ландшафты современных государств – от географических особенностей до исторического, даже цивилизационного, пути, по которому они идут, от масштаба и уровня развития экономики до этнорелигиозной структуры населения. Призыв медиаисследователей обратить особое внимание на национальную специфику СМИ и журналистики уже имел место в 2000 г., причем основные вызовы мейнстрим-дискурсу были связаны с такими подходами, как девестернизация, интернационализация или даже ориентализация научных подходов (De Smaele, 1999; Curran, Park (eds.), 2000; Thussu, 2009; 2018; Waisbord, Mellado, 2014). Пример медиасистем стран БРИКС в этом контексте весьма показателен: в той или иной степени им свойственны черты, отличающие их от медиасистем стран Западной Европы и Северной Америки. Именно поэтому академический по-

ворот в сторону новых эмпирических реалий становится сегодня весьма продуктивным.

Еще один новый ракурс в изучение медиасистем может предложить популярная сегодня концепция мультикультурализма, связанная с медиа-контекстами незападного мира. Р. Шом подчеркивает: «в транснационально связанном мире категории культуры сталкиваются хаотично. Глобализация средств массовой информации, капитала и культуры, а также появление множества современных западных подходов порождают новые и сложные субъектные позиции принадлежности» (Shome, 2012: 145). Анализируя особенности медиаландшафтов в Азии, в частности коммуникативные практики Китая, Сингапура и ОАЭ, она продолжает: «...новые формы культурного плюрализма в современных западных суждениях, которые имеют свои собственные рациональные основы, предлагают нам обдумать, какие новые виды возникающих коммуникативных отношений бросают вызов нашим привычным североатлантическим словарям в размышлениях о “различии”» (Shome, 2012: 145–146).

Сегодня в геополитической ситуации ослабления глобального доминирования «богатого Севера», в условиях цифровых трансформаций международных и национальных, вертикальных и горизонтальных социокультурных механизмов в медиасистемах стран БРИКС формируются новые черты, контекстуализирующие глобальные процессы в конкретных национальных условиях. В связи с этим ключевыми особенностями национальных медиасистем выступают:

- влияние цифровизации и конвергенции на медиаиндустрии в менее развитых индустриальных экономиках следует понимать не только в контексте цифровой глобализации, но и в контексте цифрового неравенства и «нового международного информационного порядка 2.0» (Thussu, 2018: 55);
- изменение традиционных парадигм отношений «СМИ–государство–политика» включает становление различных гибридных бизнес-моделей медиапредприятий, отличных от теоретически доминирующих западных (Noam, 2016);
- столкновение традиционных и новых глобально доминирующих неолиберальных регулятивных подходов в процессе формирования национальной медиаполитики кооперирует различные политические силы и многие новые заинтересованные силы общественной жизни (Nieminen, 2019: 58–60);
- взаимодействие национальных и глобальных профессионально-этических стандартов оказывает неодинаковое воздействие на журналистские культуры и формирование профессиональной идентичности журналистов в разных странах (Pasti, Ramaprasad, 2017).

Говоря об уникальности медиасистемы каждой из стран БРИКС, следует признать, что все они отражают исторический путь государства и его геополитическую специфику. Опираясь на идею «особости» каждой страны, что определяется уникальным историческим опытом государства и нации, можно утверждать, что медиасистема как институт общества, тесно связанный с его культурным опытом, напрямую зависит от предшеству-

ющего развития и исторической памяти. Этот подход помогает увидеть сочетание общего и особенного, формального и неформального в таких аспектах медиасистемы, как:

- функционирование, сложившиеся структуры и экономическая эффективность медиаиндустрии в целом и особенности корпоративных культур медиакомпаний в частности;
- комплексная политика национального медиарегулирования, в процессе выработки и реализации которой внутренние и внешние уровни регулирования подвергаются многочисленным воздействиям различных национальных и глобальных стейкхолдеров;
- спрос аудитории на контент СМИ и особенности медиапотребления с учетом происходящей в последнее время цифровизации процессов его производства и становления мультиплатформенности;
- особенности журналистской этики и стандартов в редакционных практиках, их воздействие на общественный договор и консенсус (Вартанова, 2019).

Опыт отечественной медиасистемы

Школа изучения медиасистем в отечественных исследованиях имеет прочные традиции и характеризуется системным изучением структурных компонентов, внутренних взаимосвязей, общих процессов развития и национально детерминированных особенностей функционирования. Современные отечественные исследования рассматривают медиасистему как определенный вид открытой социальной системы, интегральную информационно-коммуникационную медиасистему, медиaprостранство, как складывающуюся в процессе цифровой трансформации «экосистему ИТ-телекоммуникации-медиа» (Вартанова, 2019: 101–116).

Обновление теоретических подходов к российским СМИ и журналистике после 1991 г. стало уникальным этапом в отечественной науке: академический анализ проходил в условиях комплексных социальных и медиаиндустриальных трансформаций, включавших становление медиабизнеса, изменения в медиарегулировании, цифровую трансформацию СМИ (От теории журналистики к теории медиа, 2019). Это позволило довольно быстро сформировать не только новый теоретический взгляд на медиасистему, но и зафиксировать особенности и этапы ее формирования в постсоветских условиях «с нуля».

Новое поле современных эмпирических данных и теоретических подходов к изучению отечественной медиасистемы дает уникальные возможности для концептуализации и выявления ее специфических черт. При рассмотрении российской медиасистемы необходимо учитывать ряд ключевых особенностей нашей страны, которые не только придают отечественным СМИ и журналистике определенное национальное своеобразие, но и должны учитываться как факторы, детерминирующие состояние как российской медиасистемы, так и медиасистемы в целом. Несмотря на то, что медийные структуры повсеместно приспособляются к процессам глобальной цифровизации и адаптируют национальные законодатель-

ные и экономические режимы к новым изменениям, пример России доказывает, что национально обусловленные культура, система социальных ценностей могут оказывать заметное влияние на средства массовой информации и журналистику.

В последнее десятилетие российские СМИ пережили несколько ярких противоречивых моментов столкновения национальных и глобальных тенденций, что оказало заметное влияние не только на медиаструктуры (по вертикали), но и на процессы, характеризующее медиaprостранство (по горизонтали). В их числе:

- цифровизация, вызвавшая становление новых бизнес-моделей для цифровых медиа и борьбу традиционных СМИ, особенно прессы и телевидения, за выживание (Индустрия российских медиа, 2017);
- появление «множественных потоков» в медиаполитике (Галкина, Лехтисаари, 2016), выявивших противостояние интересов политиков и различных заинтересованных сторон в медиаиндустрии – медиабизнеса, профессионального сообщества, контролирующих государственных органов, потребителей и др.;
- новые запросы аудитории на новостной контент, развлечения и медиакommunikацию в традиционной и цифровой медиасреде, отразившие возникновение разнообразных цифровых медиакультур, влияние актуальных социально-экономических показателей «стиля жизни» и использование медиа различными поколениями (Dunas, Vartanov, 2020), а также новые конфликты профессиональных журналистских стандартов (Anikina, 2014; 2015).

Переплетение национальных и глобальных процессов оказало мощное воздействие и на российские массмедиа, превратив отечественную медиасистему в уникальный объект междисциплинарных исследований (Демина, 2010; Шкондин, 2002; Nordenstreng, Thussu (eds.), 2015). Очевидно, что российские СМИ меняются под давлением тех же процессов глобализации, экономической неолиберализации и цифровизации, как и другие медиасистемы в мире.

При этом, как и в других странах, отечественная медиасистема нуждается как в статичном, так и в динамичном подходах с целью выявления основных структур и процессов, которые характеризуют ее актуальное состояние. Это подтверждает и все более популярная позиция Т. Флю и С. Вайсборда. С одной стороны, эти исследователи считают, что «...конкретные институты и практики внутри национальных медиа, а не медиасистемы как агрегирующая категория, лучше всего объясняют сходства и различия между странами», а с другой стороны, утверждают, что «медиасистема – это концептуальная конструкция, которая рассматривает комплекс структур и их динамику таким образом, что позволяет систематически изучать медиа, политику и стратегию» (Flew, Waisbord, 2015: 623).

На наш взгляд, концепция медиасистемы сегодня остается действенным аналитическим инструментом в сравнительных исследованиях СМИ и медиаполитики, даже с учетом таких универсальных процессов, как глобализация и цифровизация. Все более важным становится не только эм-

пирическое описание медиасистем различных стран, но и теоретическое объяснение диалектики их универсальной природы, национальных корней и современных особенностей.

Библиография

Вартанова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019.

Галкина М.Ю., Лехтисаари К. Прогноз изменения государственного регулирования российских СМИ // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2243>

Демина И.Н. Трансформация медиасистемы: общие подходы и технологический аспект // Изв. Байкальск. гос. ун-та. 2010. № 2 (70). С. 159–163.

Индустрия российских медиа: цифровое будущее / Е.Л. Вартанова, А.В. Вырковский, С.С. Смирнов, М.И. Макеенко. М.: МедиаМир, 2017.

Медиасистемы стран БРИКС: исторический генезис, особенности функционирования / под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2018.

Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019.

От теории журналистики к теории медиа. Динамика медиаисследований в современной России / под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019.

Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII Саммиту БРИКС / под ред. В.А. Садовниченко, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. М.: МИСК–ИНЭС–НКИ БРИКС, 2014.

Шкондин М.В. Система СМИ и ее среда. Структура СМИ в условиях реформирования общества. Типология средств массовой информации. М.: Фак. журн. МГУ, 2002.

Anikina M.E. (2015) Ideals and Values of Modern Journalists: the Search for Balance. In: Nygren G., Dobek-Ostrowska B. (eds.) *Journalism in Change: Journalistic Culture in Poland, Russia and Sweden*. Peter Lang – International Academic Publishers: Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, pp. 153–178.

Anikina M. (2014) Journalism as a Profession in the First Decades of the 21st Century: the Russian Context. In: *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*. Moscow: Faculty of Journalism Publ., pp. 233–252.

Curran J., Park M.-J. (eds.) (2000) *De-Westernizing Media Studies*. New York: Routledge.

De Smaele H. (1999) The Applicability of Western Media Models on the Russian Media System. *European Journal of Communication* 14 (2): 173–189.

Downing D. (1996) *Internationalizing Media Theory: Transition, Power, Culture*. London: Sage.

Dunas D.V., Vartanov S.A. (2020) Emerging Digital Media Culture in Russia: Modeling the Media Consumption of Generation Z. *Journal of Multicultural Discourses* 15 (2): 186–203.

Flew T. (2018) *Understanding Global Media*. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan.

Flew T., Waisbord S. (2015) The Ongoing Significance of National Media Systems in The Context of Media Globalization. *Media, Culture and Society* 37 (4): 620–636.

- Hallin D.C., Mancini P. (2004) *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics (Communication, Society and Politics)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hallin D.C., Mancini P. (2012) *Comparing Media Systems Beyond the Western World*. New York: Cambridge University Press.
- Hardy J. (2012) Comparing Media Systems. In: Esser F., Hanitzsch T. (eds.) *Handbook of Comparative Communication Research*. London: Routledge, pp. 185–206.
- Humphreys P. (2011) A Political Scientist's Contribution to the Comparative Study of Media Systems in Europe: A Response to Hallin and Mancini. In: Just N., Puppis M. (eds.) *Trends in Communications Policy Research*. 1st ed. Bristol, UK and Chicago, USA: Intellect.
- Lee M., Jin D.Y. (2018) *Understanding the Business of Global Media in the Digital Age*. New York: Routledge.
- Nieminen H. (2019) Inequality, Social Trust and the Media. Towards Citizens' Communication and Information Rights. In: Trappel J. (ed.) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Sweden: Nordicom, pp. 43–66.
- Noam E.M. (2016) *Who Owns the World's Media? Media Concentration and Ownership Around the World*. Oxford: Oxford University Press.
- Nordenstreng K., Thussu D.K. (eds.) (2015) *Mapping BRICS Media*. New York: Routledge.
- Pasti S., Ramaprasad J. (2017) *Contemporary BRICS Journalism: Non-Western Media in Transition*. NY: Routledge.
- Rantanen T. (2013) A Critique of The Systems Approaches in Comparative Media Research: A Central and Eastern European Perspective. *Global Media and Communication* 9(3): 257–277.
- Shome R. (2012). Asian Modernities: Culture, Politics and Media. *Global Media and Communication* 8 (3): 199–214.
- Siebert F.S., Peterson T., Schramm W. (1956) *Four Theories of the Press*. Urbana: University of Illinois Press.
- Sparks C. (2015) How Coherent is the BRICS Grouping? In: Nordenstreng K., Thussu D.K. (eds.) *Mapping BRICS Media*. New York: Routledge, pp. 42–65.
- Thussu D. (2018) A New Global Communication Order for a Multipolar World. *Communication Research and Practice* 4 (1): 52–66.
- Thussu D. (2009) (ed.) *Internationalizing Media Studies*. London: Routledge.
- Waisbord S., Mellado C. (2014) De-Westernizing Communication Studies: A Reassessment. *Communication Theory* 24 (4): 361–372.